

ЗООНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Мусаев Бек Мустафаевич

независимый соискатель

Ферганский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются зоонимы как один из продуктивных компонентов русской и узбекской фразеологии. Особое внимание уделяется тому, как названия животных участвуют в выражении оценочных представлений о человеке, его характере, поведении, труде и социальном опыте.

Ключевые слова: зооним, фразеология, русский язык, узбекский язык, лингвокультурология, оценочность, зооморфный код, национальная картина мира.

В современной лингвокультурологии названия животных рассматриваются не только как элементы лексической системы, но и как знаки культуры, через которые народ осмысляет человека, его поведение и место в обществе. Зооним в составе фразеологической единицы обычно перестает быть прямым наименованием животного и начинает выполнять оценочную функцию. Он помогает выразить представление о силе, хитрости, трусости, упрямстве, трудолюбии, беспомощности или социальной опытности человека. Именно поэтому зоонимическая фразеология представляет особый интерес для сопоставительного анализа русского и узбекского языков.

Фразеологический фонд любого языка тесно связан с культурной памятью. В. Н. Телия подчеркивала, что фразеологизмы являются языковыми единицами, в которых культурная информация закрепляется в образной и воспроизводимой форме [4, с. 28]. Н. Ф. Алефиренко также отмечал, что фразеология отражает не только языковую, но и ценностную картину мира народа [1, с. 33]. В этом отношении зоонимические фразеологизмы особенно показательны: животное в них выступает как «готовый» образ, уже наделенный определенными качествами в коллективном сознании.

В русской фразеологии зоонимы часто используются для характеристики человека через устойчивые культурные ассоциации. Так, выражение хитрый как лиса закрепляет за лисой значение изворотливости и умения добиваться своего обходным путем. Фразеологизм голоден как волк соотносит волка с природной ненасытностью и опасной энергией. Сравнение трусливый как заяц строится на традиционном восприятии зайца как слабого и пугливого животного. Выражение упрямый как осёл указывает на устойчивую отрицательную оценку чрезмерной настойчивости, не связанной с разумным упорством. В каждом случае животное

становится не биологическим объектом, а культурной моделью человеческого качества.

В узбекской фразеологии наблюдается сходный механизм. Например, выражение *tulkiday auuor* ('хитрый как лиса') соотносит лису с ловкостью и обманной изобретательностью. Сочетание *bo'ridek och* ('голодный как волк') передает сильный голод и внутреннюю напряженность. Фразема *eshakday qaysar* ('упрямый как осёл') характеризует человека, который не склонен менять решение даже при очевидной необходимости. В выражении *quyondek qo'rqoq* ('трусливый как заяц') заяц, как и в русском языке, становится образом боязливости. Эти параллели показывают, что часть зооморфных оценок имеет универсальную природу и опирается на сходный опыт наблюдения за животным миром.

Однако полное совпадение русской и узбекской зоонимической фразеологии невозможно, поскольку каждый язык включает животный образ в собственную систему культурных ассоциаций. В узбекском языке особое место занимают образы, связанные с традиционным бытом, пастушеской культурой, отношением к домашним животным. Так, выражение *qo'u og'zidan cho'r olmagan* ('даже соломинки изо рта овцы не вынувший') передает значение кротости, безбидности, мягкости характера. Образ овцы здесь связан не с глупостью, а с мирностью и незлобивостью. В русском языке овца также может соотноситься с покорностью, но подобная формула не имеет такой же устойчивой образной силы.

Интересен и образ собаки. В русском языке собака включена в широкий круг фразеологизмов: собаку съел означает большую опытность; как собаке пятая нога — ненужность; собачья жизнь — тяжелое существование. В узбекском языке компонент *it* также активно участвует в оценочных выражениях: *itday charchamoq* ('устать как собака'), *itday ishlamoq* ('работать как собака'), *it hurar, karvon o'tar* ('собака лает, караван идет'). В обоих языках собака может обозначать тяжесть, низкое положение, грубую жизненную ситуацию, но одновременно в отдельных контекстах она связывается с выносливостью и устойчивостью.

Зооним волк в русской и узбекской фразеологии обычно связан с опасностью, голодом, агрессивностью и природной свободой. Русские выражения волчий аппетит, смотреть волком, волк в овечьей шкуре формируют образ недоверия и скрытой угрозы. Узбекские пословичные и фразеологические формулы типа *bo'ri bo'riligini qilmau qo'umas* ('волк не перестанет быть волком') также подчеркивают неизменность хищной природы. В обоих языках волк становится знаком силы, но эта сила чаще воспринимается как угроза, а не как положительное качество.

Образ медведя является более характерным для русской лингвокультуры. В выражениях медвежья услуга, медведь на ухо наступил, неуклюжий как медведь актуализируются признаки грубости, физической силы, неловкости, неумелой помощи. Это объясняется не только реальным присутствием медведя в

природном пространстве, но и его значением в русской культурной символике. В узбекской фразеологии аналогичный культурный вес чаще получают другие животные, связанные с традиционной средой: конь, верблюд, овца, осел. Так, образ коня в узбекской культуре нередко связан с движением, достоинством, дорогой, социальным статусом.

Зоонимы выполняют в фразеологии не только номинативную, но и аксиологическую функцию. Они задают готовую оценку, которую говорящий может использовать без развернутого объяснения. Когда о человеке говорят как о лисе, волке, зайце или осле, адресат сразу восстанавливает культурно закреплённый смысл. Такая оценка часто оказывается сильнее нейтрального определения: «хитрый» можно сказать прямо, но хитрый как лиса создает более наглядный и эмоционально насыщенный образ.

Сопоставительный анализ показывает, что русская и узбекская зоонимическая фразеология строится на сочетании универсального и национально-специфического. Универсальными являются образы лисы как хитрости, волка как голода и опасности, зайца как трусости, осла как упрямства. Национально-специфическое проявляется в частотности образов, в оттенках оценки и в том, какие животные становятся центральными для культурной картины мира. Для русского языка более заметны медведь, волк, заяц, гусь, кот; для узбекского — конь, верблюд, овца, осел, собака, волк.

Таким образом, зоонимы в русской и узбекской фразеологии являются важным средством вербализации оценочных представлений. Через них язык не просто называет животный мир, а переносит его признаки на человека и социальную реальность. Зоонимический компонент позволяет закрепить культурный опыт в краткой, образной и легко воспроизводимой форме. Поэтому изучение зоонимов дает возможность глубже понять, как в разных лингвокультурах формируются представления о характере, поведении, нравственной норме и социальной оценке личности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе языка и культуры. — Москва : Флинта ; Наука, 2005. — 280 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. — 3-е изд. — Москва : Академия, 2007. — 208 с.
3. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1999. — 464 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

5. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, прибауток, загадок, поверий. — Москва : Русский язык, 2000. — 616 с.

6. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик лугати. — Тошкент : Ўқитувчи, 1978. — 407 б.

7. Ўзбек халқ мақоллари / тузувчилар: Т. Мирзаев, А. Мусокулов, Б. Саримсоқов. — Тошкент : Шарқ, 2005. — 512 б.